

З. Р. Чеворович

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВОСТОЧНОРИМСКОМ ИСТОЧНИКЕ ПРАВА «ЭКЛОГА»**

Введение. С принятием христианства по православным канонам южные и восточные славянские народы начали также заимствовать у Восточноримской империи элементы ее правовой и политической системы. Наибольший интерес из всех восточноримских правовых кодификаций у славянских народов вызывала «Эклога» – источник права, разработанный и принятый во времена правления императора Льва III (ок. 726 г. н. э.). На этот исторический факт обратили внимание многие исследователи: Е. Э. Липшиц [1, с. 20–22], С. С. Бобчев [2, с. 41–56, 118–141], И. Д. Беляев [3, с. 169–171], А. С. Павлов [4, с. 207–230], А. Н. Филиппов [5, с. 78–85], Н. Калачов [6, с. 9–13, 50–73], В. И. Ермолович [7, с. 128–131; 8, с. 497–498].

«Эклога» как новый свод законов империи базировалась на лучших традициях кодификации Юстиниана, принятой в VI в. н. э., но при этом уже учитываяющей особенности развития феодальных отношений. Среди многочисленных норм вышеназванного источника восточноримского права исключительно важное место занимали институты брачно-семейного права, которые были заимствованы большинством славянских народов в качестве основы своего брачно-семейного законодательства. Об этом свидетельствуют следующие авторы: М. Ф. Владимирский-Буданов [9, с. 415–417], И. Д. Беляев [3, с. 77–80], А. В. Соловьев [10, с. 182–183, 190–191, 221–223], Т. В. Тарановский [11, с. 572, 579–582], А. Н. Филиппов [5, с. 74–76], В. И. Ермолович [7, с. 131–133] и др. Данный факт дает однозначный ответ об установлении церковной юрисдикции в славянских странах в сфере брачно-семейных отношений. В пользу этого свидетельствует и применение норм «Кормчей книги» («Номаканона») и «Эклоги» в качестве основных источников гражданского и брачно-семейного права. Эти юридические источники были переведены на старославянский язык.

При этом нельзя сбрасывать со счетов и pragmatичность средневековых славянских народов, которые заимствовали основы восточ-

норимского брачно-семейного права. В «Эклоге» как ни в одном другом источнике права эпохи Средневековья уделено большое внимание брачно-семейному праву. Достаточно отметить, что два из восемнадцати титулов «Эклоги» посвящены нормам семейного права и особенно детально в них регламентированы имущественные отношения между супружами. Нововведения, внесенные в сферу имущественно-правовых отношений данной кодификации, окончательно сменили содержание института брака, который был унаследован законодательством Восточноримской империи от эпохи Юстиниана [1, с. 88–89; 12, с. 44].

Основная часть. В брачно-семейном имущественном праве, изложенном в нормах «Эклоги», известны три вида имущественных отношений с различными правовыми режимами: приданое, парафernalное имущество и имущество, приобретенное в совместном браке.

1. *Приданое.* Приданое понималось как вклад жены в совместное семейное хозяйство. Приданое по «Эклоге» устанавливалось в письменной и устной форме [1, с. 50; 12, с. 176; 13, с. 80]. И все же законодатель, как и в других правовых делах, отдавал предпочтение письменному заключению договора о приданом путем составления *instrumentum dotale* [1, с. 45–46; 12, с. 165–166]. Приданое можно было передать (*datio dotis*) в момент заключения брака или позднее, в течение семейной жизни. Законодатель, в зависимости от того, был ли муж в момент заключения брака полностью или частично правоспособным, определил два разных момента начала пятилетнего срока, по истечении которого право на взыскание обещанного, но не переданного приданого устаревало. Если муж во время заключения брака уже достиг двадцатипятилетнего возраста, то срок взыскания начинал истекать с момента «заключения брака», тогда как у лиц, заключивших брак раньше указанного возраста, этот срок начинал истекать только после приобретения полной правоспособности, т. е. с двадцатипятилетнего возраста [12, с. 57–61; 1, с. 105–106]. Переданное приданое в течение брачной жизни оставалось собственностью жены, но муж управлял им как ее уполномоченный. Он обязан был следить за «безущербным и полным сбережением» [1, с. 46; 12, с. 165] приданого, а также и того прироста, который принесет приданое за время брачной жизни. Такая описательная формулировка законодателя основывается на правовом стандарте «хорошего хозяина» (*bonus pater familias*), который муж был обязан исполнять по отношению к приданому жены.

Долги, сделанные мужем в течение брака, кредиторы не могли взыскать за счет приданого, за исключением того случая, когда «установлено, что жена добровольно вместе со своим мужем согласилась на заем» [13, с. 27; 1, с. 59–60]. В качестве средства для обеспечения приданого жена имела право законной ипотеки на имущество, приобретенное в течение брака. Так, в случае смерти мужа сначала выплачивалось приданое жене, а только потом другим кредиторам, включая и государственный «фискс» [1, с. 106–107; 13, с. 27]. По «Эклоге» юридическая участь приданого после смерти одного из супругов зависела от того, имелись ли у них в браке дети. Если в бездетном браке жена умрет раньше мужа, приданое передавалось их наследникам по завещанию или закону. При этом муж имел право удержать «одну четверть приданого». Если в бездетном браке муж умрет раньше жены, тогда жена до открытия наследственного дела получала все свое приданое или его эквивалентную стоимость, если оно состояло из расходного имущества [1, с. 46; 12, с. 166–167]. В браке с детьми переживший муж заодно с прочим имуществом управлял и приданым, которое в случае совершеннолетия детей или смерти отца переходило в собственность детей. Жене, пережившей мужа в браке с детьми, полностью возвращалось приданое, которое после ее смерти наследовали их дети [12, с. 168–173; 1, с. 46–48].

2. Парафернальное имущество. Под парафернальным имуществом в «Эклоге» подразумевалось движимое имущество жены, т. е. вещи для личного употребления, которыми дополнялось приданое. Об экономической незначительности этого имущества в сравнении с приданым как основным средством имущественного обеспечения жены говорит и термин «булавка», используемый в некоторых греческих источниках для обозначения парафернального имущества [1, с. 97]. Это имущество из-за его небольшой стоимости не обеспечивалось письменными удостоверениями, так что после смерти мужа жена должна была «убедительными доказательствами» подтвердить его объем и происхождение [13, с. 74–75; 12, с. 167–168]. Парафернальное имущество полностью разделяло юридическую участь приданого. После смерти жены муж мог только временно управлять этим имуществом, тогда как его конечными собственниками могли быть совершеннолетние дети или другие наследники по завещанию или закону [14, с. 100–101; 1, с. 46–47].

3. Имущество, приобретенное в браке. По «Эклоге» муж управлял и распоряжался имуществом, приобретенным в течение брака, как его титульный собственник. В отношении этого имущества законодатель установил несколько различных законоположений в пользу жены в зависимости от обстановки, которая могла сложиться после смерти мужа. Если в бездетном браке муж умрет раньше жены, наследование в течение брака имущество переходило к его законным наследникам, за исключением части, отдававшейся жене и составлявшей четвертую часть принесенного ею приданого [1, с. 46]. Этим правом пользовалась и «бедная» жена, не внесшая в брак приданое. Если наследование в течение брака имущество составляло 10 литров, «бедная» жена имела право получить четверть имущества, и эта доля не увеличивалась, если имущество составляло больше 10 литров [1, с. 47–48, 99–100; 13, с. 26–27]. В восточноримской денежной системе 10 литров золота соответствовало сумме в 720 золотых монет (номизм). Лицо, обладавшее суммой денег в 50 номизм, считалось состоятельным, а тот, чье имущество оценивалось в 720 монет, относился к числу богатых восточноримских граждан. После смерти мужа при наличии детей жена получала полномочия управлять всем имуществом, приобретенным в течение брака [1, с. 46; 12, с. 167–168; 13, с. 74–75]. Если после смерти мужа жена заключала второй брак, то она имела право получить часть имущества, приобретенного в течение брака, соответствующую одной четверти принесенного ею приданого [12, с. 172–173; 13, с. 77]. Если жена, не вступая во второй брак, отделилась от детей по достижении ими совершеннолетнего возраста, то имела право получить часть имущества, равную по размерам той, которая приходится на долю одного ребенка [1, с. 47; 12, с. 169–170; 13, с. 75–76].

Вопрос о характере брачного имущественного режима, а также вопрос о юридической природе права жены на часть наследства в течение брака имущества и права мужа на часть приданого – вот две наиболее спорные проблемы брачного имущественного права «Эклоги».

Отдельные весьма значительные авторы считают, что законоположениями об имущественных отношениях супругов в «Эклоге» впервые в истории устанавливается законный режим общности имущества [14, с. 89; 13, с. 27]. Согласно их мнению, фонд общего имущества формировался из приданого, предбрачного дара и имущества, приобретенного в течение брака. Режим управления и распоряжения общим брачным имуществом регулировался письменным брачным

договором. В основанном таким образом фонде признавалось «не равенство взносов, а равенство интересов, так как и муж и жена в бездетном браке получали по четверти имущества, но пропорционально величине приданого» [13, с. 27]. Правило, по которому жена в браке с детьми после смерти мужа становилась «главой семьи и опекуном всего имения», самым надежным образом свидетельствует о том, что и в течение брачного союза законодатель рассматривал имущество как общее имущество супругов. Тезис, согласно которому основным брачным режимом в «Эклоге» являлся режим общности имущества, отдаляет законодателя Исаакийской эпохи сколько от классического римского права, столько и от законодательства Юстиниана. Дело в том, что в классическом римском праве жена не располагала собственным имуществом, поскольку муж являлся собственником всего приданого, тогда как в основе брачного законодательства Юстиниана лежала идея о полной независимости имущества мужа и жены [1, с. 91; 15, с. 146; 12, с. 47–48].

Вопреки такому мнению другими византинистами выдвинуто положение, что «Эклога» на самом деле не вносит никаких изменений в брачный имущественный режим Юстинианова права, поскольку предусматривает существование отдельных и полностью независимых друг от друга имуществ мужа и жены [1, с. 91; 16, с. 199; 17, с. 177–178]. Муж был собственником нажитого в течение брака имущества, тогда как отдельное имущество жены состояло из приданого и парафernalьного имущества. В пользу такого тезиса говорит целый ряд законоположений «Эклоги». В бездетном браке муж не мог унаследовать приданое жены, даже если не было наследников пятой очереди родства – в таком случае приданое переходило к государственному «фиску» как последнему наследнику [1, с. 54; 17, с. 177–178]. Приданое представляло собой отдельное имущество жены и это видно из отношения к имуществу в наследственном деле, открываемом после смерти мужа. Вдова была обязана составить казенную опись всего имущества. При этом приданое и парафernalьное имущество описывались отдельно от имущества мужа. К тому же во время управления имуществом жена не имела права предпринимать действия, в результате которых стоимость имущества уменьшалась [1, с. 46; 14, с. 100; 12, с. 167–168; 13, с. 26]. К этим аргументам Васильевский подключает скрупулезный филологический анализ текста «Эклоги» и одной новеллы императора Льва Мудрого. В приведенной ст. 6 титула II

«Эклоги», в которой вдова обязуется составить опись имущества, написано, что она «является владелицей всего своего приданого и всего мужского имущества». При этом законодатель проводит ясное терминологическое различие между имуществом жены и имуществом мужа, называя мужским имущество, приобретенное в течение брака. Этим оспариваются утверждения тех византинистов, которые именно в юридической позиции вдовы как носителя имущественного права на все семейное состояние усматривали свидетельство о существовании фонда общего имущества. Кроме того, в своей двадцатой новелле царь Лев Мудрый, критикуя решение иконоборцев об имущественных отношениях супругов, обозначил позицию жены в «Эклоге» выражением «владелица предбрачного дара». Наконец, термин «общий», встречаемый несколько раз в «Эклоге» и относящийся к общему хозяйству мужа и жены, имеет, по Васильевскому, «в большей степени моральное, чем юридическое значение» [17, с. 178].

Вторым спорным вопросом брачного имущественного права в «Эклоге» является вопрос юридической природы права жены на часть приобретенного в течение брака имущества, а также права мужа на часть приданого. Большинство исследователей, независимо от оценки характера брачного имущественного режима «Эклоги», приведенные права мужа и жены определяют как право взаимного наследования [1, с. 91–92; 17, с. 177–178; 12, с. 149].

Если «Эклога» исходит от режима общего имущества супружеского, то наследственно-правовой характер приведенных прав не обоснован. Ведь в таком случае переживший супруг мог бы претендовать на законное наследство умершего супруга только после того, как из общего имущества выделена часть, принадлежащая ему на основе приобретения общего имущества в брачном союзе. Только после такого раздела наследства можно было бы говорить о наследстве, оставшемся после смерти наследодателя. Однако в «Эклоге» вообще не упоминается какая-либо процедура утверждения (определения) вклада, внесенного пережившим супругом в приобретение общего имущества.

Трактовка, согласно которой «Эклога» устанавливает режим отдельных имуществ супружеских, теоретически делает возможной ситуацию, когда переживший супруг автоматически выступает как законный претендент на наследство умершего супруга. Однако наследственно-правовые определения «Эклоги» исключают такую возможность, так как пережившая супруга выступает в качестве наследника лишь в последней – шестой наследственной очереди, тогда как пере-

живший муж вообще не фигурирует как законный наследник своей жены [12, с. 185; 1, с. 46].

О своем праве относительно приобретенного в течение брака имущества жена заявляет не как наследник, а как кредитор, состоявший с наследодателем в своего рода обязательственных отношениях с семейно-правовыми эффектами. Речь идет именно об обязательственных отношениях, поскольку жена требует часть особого имущества мужа на основе приобретения совместного имущества. Эффекты обязательственных отношений являются семейно-правовыми, поскольку наличие брака представляет собой необходимое условие для возникновения такого отношения между кредитором и должником. Кроме того, во время брачного союза жена не может взыскать часть имущества на основе приобретения общего имущества в течение брака; она может сделать это только по прекращении брачного союза [1, с. 46]. Смерть одного из супругов на самом деле является условием отложенного права, после чего активируется требование жены на основе приобретения имущества в период брака. Согласно «Эклоге» для получения данного права было достаточно того, что жена состояла в законном браке. Долю жены в собственности мужа законодатель «Эклоги» не сводил только к приданому, а рассматривал как основной вклад в увеличение имущества ее непосредственный труд [13, с. 27; 1, с. 47–48]. При этом не оставлял возможности в каждой отдельной ситуации оценивать вклад, внесенный женой в увеличение имущества мужа, а лишь установил три постоянных критерия для оценки этого вклада. Если жена внесла в брак приданое, то она на основе приобретения имущества в течение брака имела право взыскать часть мужиного имущества, равную одной четверти ее приданого. «Бедная» жена, не внесшая приданое при бракосочетании, на основе приобретения имущества в течение брака имела возможность взыскать одну четверть имущества мужа, причем сумма этой четверти не должна была превышать 2,5 литров. И наконец, жена, которая отделилась от своих совершеннолетних детей, не вступая при этом во второй брак, имела возможность взыскать часть мужиного имущества, равную по размерам той, которая приходится на долю одного ребенка [1, с. 46–48; 12, с. 166–173].

Право мужа на одну четверть приданого жены, если она умрет бездетной, имеет такую же юридическую природу, как и соответствующее право жены относительно имущества умершего мужа. Вклад мужа в увеличение приданого жены нагляден еще в большей степени,

поскольку вытекал из его законной обязанности «безущербного и полноценного сохранения» приданого, равно как и прироста, который при нем произойдет [1, с. 45–46]. Муж имел право взыскать часть приданого только в случае, если в качестве законных наследников его жены выступали ее родственники, но когда в качестве законных наследников выступали ее дети, этим исключалось любое обязательственное право отца относительно приданого [12, с. 166–169; 1, с. 46–47].

4. *Нововведения «Эклоги» в брачном имущественном праве.* Когда речь идет об имущественных отношениях супругов, законодатели «Эклоги», с одной стороны, перенимали решения Юстинианова права, с другой – вводили новшества, представляющие собой серьезный разрыв с правом VI в. Наиболее значительные изменения «Эклога» внесла в институты приданого, предбрачного дара и приобретения имущества в период брачного союза.

Что касается приданого, то «Эклога» устранила последнюю законную возможность перехода приданого в собственность мужа [1, с. 91–92; 17, с. 177–178; 12, с. 48, 60–61]. А именно в стремлении обеспечить судебную защиту права жены на возвращение приданого (*actio rei uxorialis*) законодательство Юстиниана окончательно покончило с принципом римского права, по которому муж является полным обладателем приданого, но все же предусматривало одно исключение, явившееся на самом деле пережитком этого римского принципа – жена теряла право возвращения приданого, если развод произошел по ее вине [1, с. 94–96; 12, с. 60–61]. Упразднение данного правила привело к окончательному установлению византийской концепции приданого как особой собственности жены [1, с. 104–107]. Также в «Эклоге» приданому придается гораздо меньшее значение, чем в ранее действовавшем законодательстве [1, с. 106–107]. Приданое является «важной, но не обязательной составляющей законного брака» и это яствует из двух определений «Эклоги». Муж имел возможность взыскать обещанное приданое у родителей жены только «если родители девушки располагают состоянием». В противном случае обязанность прекращалась и муж не мог требовать развода на том основании, что обещание не было выполнено [13, с. 80; 1, с. 106; 12, с. 176–177]. К тому же предусматривалась возможность законного бракосочетания между очень богатым человеком и «бедной» девушкой без приданого [1, с. 99–100, 106].

В отличие от Юстинианова права, предусматривавшего обязательное равенство приданого жены и предбрачного дара мужа, «Эк-

лога» содержала постановление, предписывающее, что при заключении *instrumentum dotalе* от мужа нельзя «в письменной или устной форме требовать предбрачного дара, который был бы равен принесенному приданому». 97 новелла Юстиниана предусматривала и обязанность мужа обеспечить одинаковый прирост имущества, входящего в состав приданого и предбрачного дара [15, с. 146; 16, с. 199]. Согласно «Эклоге» муж был обязан заботиться как хороший хозяин о приданом и прибыли, получаемой от приданого, но не были наложены какие-либо особые обязательства относительно хозяйственного ведения полученным имуществом [12, с. 165–166; 13, с. 73–74; 1, с. 94–96]. Вместо обязательного предбрачного дара в законодательстве Юстиниана «Эклога» предусматривает новый способ обеспечения жены – институт приобретения в течение брака.

Изменения, привнесенные «Эклогой» в сферу брачного имущественного права, чаще всего объясняются «воздействием обычного права восточных провинций», причем возможное влияние христианства чаще всего не упоминается. Влияние восточных законодательств прежде всего заметно по институту приданого, имевшего одинаковый правовой режим у восточных народов и в византийском государстве [1, с. 94; 18, с. 261]. Однако как древнеримская концепция приданого основывалась на античном принципе, что «у мужского пола больше достоинства» (Ульпиан) [19, с. 151–152], так в основе византийской концепции приданого как особого имущества жены лежала новозаветная идея о равенстве мужчины и женщины (Гал. 3, 28). Ведь если «христианство утвердило взгляд на женщину как человеческую личность, имеющую с моральной и общечеловеческой точки зрения одинаковые с мужчиной права и значение, то очевидно, что и во всех положениях частной жизни христианство уже не мыслит женщину вне этих прав»[15, с. 143–144].

И если между законоположениями «Эклоги» относительно приданого и восточными законодательствами существует формально-правовая связь, то институт приобретения в течение брака нельзя соотносить с какой-либо известной в те времена юридической традицией. Законодательствами древнего мира не признавались никакие формы имущественного обеспечения жены, кроме приданого [1, с. 94–95, 104–107; 12, с. 47–48; 19, с. 149]. Объем ее имущественных прав был прямо пропорционален стоимости приданого. Кроме того, античная концепция имущества исключала любую возможность участия жены в семейном имуществе мужа. Для народов древнего мира имущество

являлось не только совокупностью юридических полномочий, но и псевдорелигиозным институтом [20, с. 96]. Как жена не могла принимать участие в совершении мужинного семейного культа, так не могла располагать и имуществом его семьи. Также в античном мире было немыслимо отождествление мужского и женского труда. С другой стороны, институт приобретения в течение брака покоится именно на идее об одинаковой ценности их труда. Это равенство выражается не в одинаковых вкладах, а в одинаковом достоинстве мужчины и женщины [13, с. 25]. Оттуда появление института приобретения в течение брака следует соотносить с преобразующей миссией христианства и его «совершенно новым представлением о браке, отличающимся от иудейского и римского» [21, с. 159].

Заключение. Христианский брак, оформленный в восточноимперском источнике средневекового права – «Эклоге», предоставил формальное равенство мужчине и женщине, которое в юридическом и экономическом положении супружеских пар сводилось к следующему. Жена могла иметь свое имущество отдельно от имущества мужа. Муж, в свою очередь, должен был хранить нетронутым приданое жены («Эклога», титул II, ст. 3). Данная норма нашла свое отражение и в законодательстве средневековых славянских государств – Болгарии и Сербии (Славянская редакция «Эклоги», титул II, ст. 3). Муж не имел права распоряжаться личным имуществом жены и отчуждать его. Кредиторы мужа не имели права посягать на приданое жены. Данная норма также была реципирована в законодательство средневековых славянских стран. Так, ст. 2 титула XI Славянской редакции «Эклоги» гласит: «Если кто-нибудь, имея жену, возьмет взаймы у кого-либо и не в состоянии будет вернуть долг, то его жена не отвечает за него и не платит заимодавцу из своего приданого, кроме тех случаев, когда будет установлено, что она добровольно задолжала вместе со своим мужем».

После смерти мужа ни его кредиторы, ни даже представители государственной казны не имели права входить в его дом и брать что-либо до тех пор, пока жена не возьмет свое приданое («Эклога», титул III, ст. 2; Славянская редакция «Эклоги», титул III, ст. 2). Как видно из проиллюстрированных положений, права жены на ее приданое имеют преимущества даже перед привилегиями государственной казны.

Весьма важным и актуальным постановлением ст. 5 титула II «Эклоги» является предоставление права детям от первого брака требовать от овдовевшей и вышедшей вторично замуж матери имущества.

во своего отца. Данное право предоставлялось детям от первого брака и в отношении их овдовевшего отца, который женился вторично. Однако в этом случае дети должны были быть уже совершеннолетними.

С целью защиты прав детей от первого брака «Эклога» предусматривает, что муж не имеет права подарить своей второй жене имущество, в которое включается доля детей от первого брака.

В случае смерти отца в отношении малолетних детей устанавливалась опека со стороны лица, которое заменяло умершего в его заботах о несовершеннолетних детях. Данная норма также была заимствована в правовые системы средневековых славянских стран. Согласно ст. 5 титула II Славянской редакции «Эклоги»: «если, имея детей, муж умрет раньше своей жены, т. е. матери детей, то жена является собственником всего имущества мужа и несет все заботы по управлению домом». Следовательно, если жена осталась живой после смерти мужа, то забота о детях, рожденных в браке, возлагалась на нее и опека не назначалась. К назначению опекуна прибегали в случае смерти обоих родителей. При этом мы разделяем точку зрения В. И. Ермоловича, высказанную им в статье «Брачно-семейное право средневековой Сербии», что данный вопрос был характерен только для небольшой индивидуальной семьи, где смерть родителей была способна поставить детей в беспомощное положение. В задруге, где об оставшихся несовершеннолетних детях заботились все члены большой семьи, необходимости в назначении опекуна не было, так как все члены задруги были представлены в своих отношениях с третьими лицами главой задруги – старейшиной [22, с. 65].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. – М.: Наука, 1965. – 226 с.
2. Бобчевъ, С. С. Старобългарски правни паметници / С. С. Бобчевъ. – София: Печатница на П. М. Бязайтовъ, 1903. – Ч. 1. – 176 с.
3. Бѣляевъ, И. Д. Лекції по історії русскаго законодательства / И. Д. Бѣляевъ. – 2-е изд. – М.: Императорское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографии, 1888. – 584 с.
4. Павловъ, А. С. Исторія источниковъ русскаго церковнаго права / А. С. Павловъ // Богословскій вѣстникъ издаваемый Московскою Духовною Академіею. – 1900. – Т. 1. – С. 207–230.
5. Филипповъ, А. Н. Учебникъ исторіи русскаго права / А. Н. Филипповъ. – 5-е изд., измененное и дополненное. – Юрьевъ: Печатано въ типографіи К. Маттисена, 1914. – 824 с.

6. Калачовъ, Н. О значеніи кормчей въ системѣ древняго русскаго права / Н. Калачовъ. – М.: Императорское общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскому университѣтѣ, 1850. – 128 с.
7. Ермолович, В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран / В. И. Ермолович // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 20 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – С. 127–149.
8. Jermolović, V. I. Strani izvori gradanskog i procesnog prava recipirani u zakonodavstvu srednjovekovne Srbije / V. I. Jermolović // Pravni život: časopis za pravnu teoriju i praksu. – 2009. – № 11. – S. 491–506.
9. Владімірський-Будановъ, М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права / М. Ф. Владімірский-Будановъ. – 6-е изд. – Спб. – Кіевъ: Изд-ніе книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. – 699 с.
10. Соловьев, А. В. Историја словенских прав: Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка / А. В. Соловьев. – Београд: Службени лист СРЈ, 1998. – 561 с.
11. Тарановски, Т. Историја српског права у Немањићкој држави / Т. Тарановски. – Београд: Службени лист СРЈ, 1996. – 805 с.
12. Еклога отъ Н. П. Благоевъ / Н. П. Благоевъ. – София: Кооперативна печатница «Гутенбергъ», 1932. – 240 с.
13. Freshfield, E. H. A Manual of Roman law the Ecloga / E. H. Freshfield. – Cambridge: Printed at the university press, 1926. – 151 p.
14. Zachariae von Lingenthal, K. E. Geschichte des griechisch – römischen Rechts / K. E. Zachariae von Lingenthal. – 3-e verb. – Berlin: Weidmannsche Buchh, 1892. – 424 s.
15. Milaš, N. Upliv hristijanstva na grčko-rimsko zakonadavstvo / N. Milaš. – Split: Pečatnja Ivana Krst. Soregotti-a, 1879. – 183 s.
16. Липшиц, Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. / Е. Э. Липшиц. – Л.: Наука, 1976. – 230 с.
17. Васильевский, В. Г. Законодательство иконоборцев / В. Г. Васильевский // Труды В. Г. Васильевского: в 4 т. – Л.: АН СССР, 1930. – Т. 4. – 331 с.
18. Аврамовић, С. Општа правна историја – Стари и Средњи век / С. Аврамовић. – Београд: Издавач Правни факултет Универзитета у Београду, 2000. – 363 с.
19. Станојевић, О. Римско право / О. Станојевић. – Београд: Издавач Правни факултет Универзитета у Београду, 2002. – 380c.
20. Павловић, М. Правна историја света / М. Павловић. – Крагујевац, 2003. – 470 с.
21. Мајендорф, Џ. Брак у светlosti православне теологије / Џ. Мајендорф // Теолошки погледи. – 1974. – № 7. – С. 152–170.
22. Ермолович, В. И. Брачно-семейное право средневековой Сербии / В. И. Ермолович // Весник БДЭУ. – 2002. – № 4. – С. 62–65.

Поступила в редакцию 24.06.2011 г.